

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО МОНТАЖНОГО ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Рассматриваются синтаксические повторы, выступающие в качестве одного из средств реализации монтажного принципа организации прозаических текстов Б. Пастернака. Речь идет о монтажности отдельных фрагментов текста, которые способны стабилизировать целостную структуру текста, включая межтекстовые и гипертекстовые связи. В качестве единицы монтажа выделяется фрагмент текста, представленный как полипропозициональный комплекс, представляющий субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

Ключевые слова: монтаж; фрагмент текста; полипропозициональный комплекс; ментальные репрезентации; трансформация; субординатные отношения.

Введение. Монтаж – особый способ организации нарратива. Общая и главная черта монтажной эстетики в литературе и драматургии – разделение текста не на главы, акты или явления, а на фрагменты, эпизоды или, как говорили русские формалисты, «куски» (у Шкловского), каждый из которых не соответствует течению единого события, но изображает его часть. Событие «кадрируется», как изображение в кино. Соединение «кусков» не обусловлено логически или, во всяком случае, может не быть обусловлено, но такая возможность всегда сохраняется [1. С. 6].

В терминологии семиотики монтаж рассматривается как преимущественно синтаксическая установка на отношения между знаками внутри текста (произведения). Этим монтажный принцип объединяется с аксиоматическим подходом [2. С. 142]. Однако, по мнению исследователей, чисто синтаксический подход недостаточен; центр тяжести одновременно переносится и на семантику, и на прагматику [3. С. 83].

Единицей монтажа является фрагмент текста, представленный как полипропозициональный комплекс. Это продукт концептуализации и категоризации мира и языка в его интерпретационном, субъективном варианте, представляющий субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

В принципах монтажного типа организации нарратива можно выделить несколько важнейших характеристик: дробление текста на фрагменты (объем которых может быть различным); смена точек зрения, связанная с изменением позиции наблюдателя или включением в повествование других текстов (дневники, стихи); немотивированный разрыв причинно-следственных связей, темпорального или локального пространства; смена модусов за счет контрастов, масштабов, активизации пространств. Монтажный принцип, устанавливая систему субординатных отношений между фрагментами текста, обуславливает свободу текстовых связей на других уровнях.

Система средств реализации монтажного принципа многообразна. Она включает весь спектр разноразрядных языковых средств, способных упорядочить смену дифференциальных текстовых фрагментов на основе их смысловой соотносительности.

Объектом данной статьи стали синтаксические повторы, выступающие в качестве одного из средств реализации монтажного принципа организации прозаических текстов Б. Пастернака. Речь идет о монтажности

отдельных фрагментов текста, которые способны стабилизировать целостную структуру текста, включая межтекстовые и гипертекстовые связи. Отметим, что роль повтора в структуре целостного текста представляет не меньший исследовательский интерес [4. С. 78–81].

Важно, что исходная повторяющаяся синтаксическая конструкция трансформируется на протяжении всего фрагмента. Способы трансформации, с нашей точки зрения, являются прагматически охарактеризованными. Её синтаксическая позиция в составе сверхфрагмента единства также может меняться.

Одну из основных образующих художественной модели Пастернака, сближающей её с поэтикой кино в понимании С. Эйзенштейна, по мнению Ю.М. Лотмана, составляет «монтаж» зрительных образов [5. С. 207].

При зрительном восприятии формируемый человеком образ воспроизводит внешнее пространство, что подтверждает свойство иконичности языкового знака. В процессе осмысления информации основные соотношения сформировавшейся структуры переносятся не только в семантическое представление высказывания, но и в синтаксическое. Синтаксическая структура уже поддается в определенной степени наблюдению. Следовательно, семантическая структура основывается на представлениях над структурой синтаксической [3. С. 83]. Иконичность же в свою очередь связана с принципом фокусирования или профилирования, выдвижения / задвижения фигуры / фона [6. С. 7].

Текстообразующие функции синтаксического повтора достаточно глубоко описаны в лингвистической литературе (Т.Г. Винокур, И.И. Ковтунова, Н.С. Поспелов, Р. Якобсон). Синтаксический повтор реализует принципы симметрии и асимметрии, вертикальных текстовых связей, сильных позиций, текстового единства, текстообразования.

С нашей точки зрения, синтаксический повтор и процесс его трансформации являются показателем интерпретационных и метаинтерпретационных процессов, в результате чего определяется его информационный статус. Выдвижение одного из компонентов повтора происходит в условиях сосредоточения внимания на нескольких одновременно осмысляемых событиях как интегрированном фрагменте действительности и является показателем его (повтора) концептуальной значимости.

«Так рано и так необычайно начался день заседания в ратуше для Зеевальда. Но сам по себе этот непомерно

долгий день начался еще раньше. *Ни души не было на призрачных, непрозревших улицах городка*, и только кишмя кишели в нем черепитчатые крыши, как бесплотные привидения, бесшумно умывавшиеся холодной мутью слабо означающегося рассвета, – *ни души не было на улицах, на которые пала роса*, смочив холодным потом лобные выпуклости мостовых, – мостовых и зданий, проступавших за слюдяною пеленой тумана, как след от округло раскрытого рта по выпотелому оконному стеклу; *ни души не было на них, говорю я*, когда среди всех прочих бестелесных зданий родилось новое, в этот миг только на свет божий появившееся и более всех прочих бестелесное здание: это было здание из звуков, оно простонало, заволакиваемое неодолимой отдаленностью, и отстонало затем. Отстонало не потому, чтобы оно ушло в землю, как где-то воздвиглось оно, выйдя из земли. Ибо уловить его можно было только в его появлении и только как нечеловеческую попытку заживо похороненных – сдвинуть с места тишину. И только одно мгновение фантом этой осторожной стройности отличался от призрачного воздуха, призрачных крыш и призрачной росы. По истечении этого мгновения – он перестал от росы отличаться и его негде уже было искать.

Ни души не было на площади Св. Елизаветы, когда козю низко загнусабили два утеса. Вся каменная мякоть их отяжелела внезапно, до основания пропитавшись гнусавым и дребезгливым, невозмутимо протяжным сопением.

Ни души. Проходи здесь кто мимо, он остановился бы, поняв, что там заиграли на органе; и прежде всего – он услышал бы лавинные раскаты хроматической гаммы, быстро сыгранной полнотью от самых низов до последних дискантов и обратно, по самое *a* субконтроктавы, через всю мануаль; <...> он узнал бы в лицо тот прием, при помощи которого, пробуя новый инструмент, профессионалы убеждаются в полной исправности всех его труб.

Но на улице не было ни души.

Первыми появились на ней два человека, вышедшие из церкви через низенькую боковую дверь, ведущую в церковный сад. Они разошлись потом в разные стороны, обмолвившись на прощанье немногими словами, малопонятными» [7. С. 475].

Впервые в представленном фрагменте безличностно-генитивная бытийная конструкция [8. С. 140] появляется в составе сложного предложения, трижды повторяясь в ней. Причем актуализируется только первая её часть в составе синтаксических структур с сочинительной связью, подчинительной связью и один раз – с бессоюзной (говорю я).

Далее структура меняется, и конструкция повторяется уже в составе сложноподчиненного предложения с придаточным времени. Состав конструкции частично меняется за счет сужения семантики локативного сирконстанта (топоним), в результате чего меняются степень конкретизации пространственной координаты и его локализация.

Затем структура повтора значительно трансформируется за счет усечения предиката и сирконстанта. Актуализируется лишь субъектный генитив *Ни души* в составе зевгматической конструкции. С учетом контекста происходит обусловленная трансформация.

Общеприцательное предложение с именным актантом, выраженным родительным падежом, связано с семантической категорией существования, эта связь соотносится с семантикой партитивности и количественной неопределенности предметно-референтной проекции имени [8. С. 140]. На первый взгляд, бытийность в таких предложениях сильнее и отчасти нейтрализует объектность, однако повторяемость и выдвижение субъектного актанта в зевгме приводят к частичной нейтрализации бытийной семантики.

Далее, в контексте условной модальности, формируемой грамматическими формами конъюнктива (*проходил бы, услышал бы*), конструкция повторяется вновь, но в трансформированном виде (*Но на улице не было ни души*): с инверсивным порядком слов и противительным союзом в актуальной позиции. В результате происходит выдвижение фоновой информации. Субстантивный компонент попадает в постпозицию по отношению к сказуемому, и его неопределенность способствует усилению семантики безличности, однако сильная коммуникативная позиция родительного падежа субъекта (эпифора) в анализируемом фрагменте усиливает неопределенность носителя предикативного признака и мобилизует грамматические возможности родительного падежа, формируя коммуникативную ретроспективу фрагмента.

По сути, частотность использования определенных синтаксических конструкций с фоновой семантикой (нетематических) в актуальной позиции приводит к выдвижению фона, актуализации фонового знания. Если в качестве структуры выступает безличная конструкция, то субъект (фигура) всеохватен, т.е. это и автор, и герой, и читатель. Семантика состояния становится преобладающей и позиция наблюдателя – основной, она формирует и позицию читателя. Явление оказывается выделенным из окружающей среды и берется сознанием так, что не нужно искать дискретизируемого вовне по отношению к нему субъекта, его источника [Там же. С. 19].

Анализируемая конструкция *Ни души не было на*, трансформируясь в тексте, снимает синтаксическую нагроможденность связываемых структур, организует более сложные куски текста, которые, пользуясь терминологией С.Г. Ильенко, могут быть охарактеризованы как предикативно-релятивные конструкции, а сама единица определена как текстема [9. С. 463].

В результате образуется полипропозитивный комплекс, объединенный общей концептуальной семантикой и представляющий собой субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций.

Объединение нескольких планов в едином фрагменте осуществляется на уровне концептуальной интеграции [10. С. 99]. Она происходит по определенной **схеме**: из исходных пространств выдвигаются общие характеристики (синтаксические повторы). Они стабилизируют общее смешанное пространство текста. Выдвижение акцентирует внимание на нескольких событиях как интегрированном фрагменте и предполагает их одновременное осмысление.

Трансформированный синтаксический повтор актуализирует попеременно различные модусы: зрительный и слуховой, в результате чего фрагмент раз-

вертывается перед читателем в некоторой ритмической последовательности, в определенном времени и пространстве. Приобретая функции ритмообразующего элемента, повтор служит одновременно и содержательным элементом симметрии. Особенности его функционирования и трансформации выявляют структурные особенности монтажного принципа продуцирования текста [11. С. 7].

Анализ прозаических произведений Б. Пастернака показывает, что трансформация синтаксического повтора, связанная с заменой актанта, часто сопровождается появлением «соблазнительно непривычных образов», которые возникают в результате остранения [12. С. 230]. Использование этого приема делает текст более дискретным, контрастным, монтажным.

Дробление, предполагаемое монтажным принципом организации, происходит за счет выдвижения отдельных элементов фрагмента текста, деталей общей картины. В результате возникают образы, появление которых часто лишено причинно-следственных связей.

«Миновало лето, во все продолжение которого под самыми настурциями, кидавшимися за каменный парапет бельведера, работала на отмелях Рухловского переката речная землечерпалка.

Миновал вечер, в который на грязнушке до времени зажгли огни, и, отпыхнув в последний раз, она свернулась и ушла, залившись прощальной руладой частых, учащавшихся и потом редких и все редевших гудков.

По ее уходе вздохнули облегченно берега, и Ока всклянь, до ободков, налилась тишиной, сочной, как лозняк, грузной, как отжиманье кос, чуткой, как пыющая лошадь.

Миновал миг, в который луна, едва заглянув в затон, обернулась на призрак отдаленной полковой музыки, который внезапно всплыл вслед за ней неизвестно где.

Некоторое время необъяснимость явления еще отдавала чудесным. Вскоре же она была так велика, что уже не пугала и не настраивала. Она раздражала.

Беспричинное возбуждение овладело женщинами. Они толпились на каменной площадке в блузках, восплаившихся, как от прохлады, посылали мужчин за шальями и, слушая это диво, глядели на плесы, по которым там и сям, как поплавки, уже заигрывали звезды.

А марш Преображенского полка, – ибо это был он и все его уже признали, – плыл и плыл неизвестно где, плыл и замирал, плыл и был как никогда печален...

Миновал час, смутный, как располагающийся лагерь, прерывистый, как пески в тумане, дичливый и ясный, как ключ, в течение которого посылали три раза лодку за офицерами, и каждый раз, что возвращались назад, ручной фонарь, раньше всех добежав по воде до берега, шевелил усами, обшаривал кусты и охупками швырял из-под них на берег плохо экипированных раков, которых на лету подхватывала огромная вековая ольха, беззубо скланиваясь над купальной.

Тогда раздавался разговор разной длительности и силы.

Миновала ночь, потрясавшая парк все новыми и новыми голосами. Офицеры заночевали у владельца, предводителя дворянства Фрестельна. Здесь не осталось никого, кто бы не спросил их о том же, о чем их

спрашивали по пути решительно все встреченные за день села и поместья, часовни, пустоши и люди. Но официальный указ о мобилизации еще не вышел. Этот долг неотменимого молчания был первым из целого моря новых чувств, открывшихся им другие сутки. Оно ставило их среди всех в положение мужчин между женщинами, взрослых между детьми. Объявлялся порядок вещей, в котором по суровому чину им надлежало иерархически следовать непосредственно за Господом Богом, а военному полю воздавались почести, подбавляющие небу на Ильин день.

Миновала ночь. На ее исходе горка пепла на блюде ждала только удобной минуты, чтобы провалиться со всеми окурками в желтый, до слез протабаченный чай. Того же ждала горка исхудалых облаков на востоке. Горка всклокоченных волос хохлилась на мутной голове, сопевшей и натягивавшей одеяло.

Вдруг один зевнул, другой заговорил» [7. С. 515].

Функционал синтаксического повтора понятен: выдвижение фоновой информации; формирование общего темпорального плана; ритмичность; концентрация обрывочных воспоминаний, ассоциаций, лишенных причинно-следственных отношений. Результат – остранение.

Повтор задает внутренний параллелизм фрагмента и некоторых ССЦ, входящих в его состав. Трансформация происходит за счет замены субъектного актанта в главной части СПП (ССЦ 1, 2, 3), простой осложненной конструкции (ССЦ 4), элементарной конструкции (ССЦ 5). Одновременно происходит упрощение синтаксических структур.

Кроме того, возникает некоторое противоречие между элементарной структурой повтора и нагроможденностью придаточной части, которая создает эффект множественности, затрудненности и непонятности. Формальное упрощение структуры происходит лишь в 4-м ССЦ. Конкретизируются детали (Фрестельн, указ, порядок вещей), и актуализация повтора в качестве простого нераспространенного предложения 5-го ССЦ стабилизирует фрагмент, делая его подвластным интерпретации.

Результатом трансформации повтора становится эффект сгущения времени – оппозиция, в которой обнаруживается несовпадение физического и психологического времени, проявляющегося в том потоке сознания, который определяет характер сентенционного типа повествования и семантику анализируемого фрагмента как состояние.

Таким образом, синтаксический повтор и его трансформации являются показателем интерпретационных и метаинтерпретационных процессов и имеют стабилизационную значимость не только для фрагмента, но и для целостного текста. Образующийся в результате полипропозитивный комплекс, объединенный общей концептуальной семантикой и типом повествования, представляет собой субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций. Особенность его заключается в том, что в результате использования синтаксических повторов и их трансформаций акцентируется внимание на нескольких событиях как интегрированном фрагменте, что отражает одну из структурных особенностей монтажного принципа организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куклин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М., 2015.
2. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы. М., 2007.
3. Касевич Б.В. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1985.
4. Иванова Е.М., Соловьева С.А. Специфика пространственной организации художественной прозы Б. Пастернака // Вестник ЧГУ. 2016. № 5 (74). С. 78–87.
5. Лотман М.Ю. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 326). С. 206–238.
6. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение английского сложного предложения в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (037). С. 5–13.
7. Пастернак Б. Люди и положения. М., 2007. 634 с.
8. Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб., 1998.
9. Ильенко С.Г. Русистика. СПб., 2003.
10. Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фольконе и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97–101.
11. Корбут А.Ю. Текстосимметрия как общий раздел теории текста : автореф. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005.
12. Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. М. : Сов. писатель, 1970.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июля 2017 г.

SYNTACTIC REPETITION AS A MEANS OF TEXT MONTAGE STRUCTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 12–15.

DOI: 10.17223/15617793/424/2

Elena V. Grudeva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: egrudeva@gmail.com

Svetlana A. Solovyova, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: ssa_doc@mail.ru

Keywords: montage; text fragment; polypropositional complex; menial representations; transformation; subordinate relations.

The montage principle of the text structuring establishes a system of subordinate relations between text fragments and leads to the freedom of text connections on other levels. In semiotics, montage is considered as a syntactic orientation for the relationship between the signs of the text. The system of means for montage includes a whole range of different levels of language. The article aims to analyze the functioning of syntactic repetition as a means of implementation of the montage principle of the organization of prose texts by Boris Pasternak. The montage nature of separate fragments of the text which are able to stabilize the coherent structure of the text is discussed. A montage unit is a text fragment which is a polypropositional complex which is organized by syntactic repetition, and represents a subordinate way to categorize mental representations. The analysis of the functioning of syntactic repetition and its transformations in B. Pasternak's prose confirms the main characteristics of the montage principle of the organization of the prose: breaking of the text into fragments; change of the points of view; unmotivated break of the cause-and-effect relations, etc. The research showed that syntactic repetitions and ways of their transformation are pragmatically characterized and are an indicator of interpretative and meta-interpretative processes, which influences their information status. Promotion of one of the components of a repetition occurs in the conditions of focusing on several simultaneously comprehended events as an integrated fragment of reality, and is an indicator of the conceptual importance of a repetition. The transformed syntactic repetition alternately staticizes various modes: visual and acoustic. Therefore, the fragment is developed before the reader in a rhythmic sequence, in certain time and space, and becomes a substantial element of symmetry. Functioning of syntactic repetition promotes combination of several plans in a uniform fragment of the text. It occurs according to a certain scheme: initial spaces promote general characteristics actualized by a repetition, they in turn stabilize the general mixed text space. Promotion focuses attention on several events as an integrated fragment and assumes their simultaneous judgment. Analysis of the prose works by B. Pasternak shows that the transformation of syntactic repetition connected with the replacement of an actant is often followed by the device of distancing or by the effect of time concentration, which makes the text more discrete. Thus, syntactic repetition and its transformations in the text are an indicator of interpretative and meta-interpretative processes and have the stabilization importance not only for a fragment, but also for the complete text organized on the basis of the montage principle.

REFERENCES

1. Kuklin, I.V. (2015) *Mashiny zashumevshogo vremeni: kak sovetskiy montazh stal metodom neofitsial'noy kul'tury* [Machines of noisy time: how Soviet editing has become a method of unofficial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Ivanov, V.V. (2007) *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on semiotics and the history of culture]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
3. Kasevich, B.V. (1988) *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka.
4. Ivanova, E.M. & Solov'eva, S.A. (2016) Spetsifika prostranstvennoy organizatsii khudozhestvennoy prozy B. Pasternaka [Specification of the spatial organization of B. Pasternak's artistic prose]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (74). pp. 78–87.
5. Lotman, M.Yu. (1969) Stikhotvoreniya rannego Pasternaka i nekotorye voprosy strukturnogo izucheniya teksta [Poems of early Pasternak and some questions of the structural study of the text]. *Uchen. zap. Tart. gos. un-ta*. 326. pp. 206–238.
6. Vinogradova, S.G. (2013) Communicative division of the English composite sentence in cognitive perspective. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4 (037). pp. 5–13.
7. Pasternak, B. (2007) *Lyudi i polozheniya* [People and positions]. Moscow: Eksmo.
8. Pavlov, V.M. (1998) *Protivorechiya semanticheskoy struktury bezlichnykh predlozheniy v russkom yazyke* [Contradictions of the semantic structure of impersonal sentences in the Russian language]. St. Petersburg: Nauka.
9. Il'enko, S.G. (2003) *Rusistika* [Russian studies]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.
10. Koval'chuk, L.P. (2011) Teoriya kontseptual'noy integratsii Zh. Fol'kone i M. Ternera [The theory of conceptual integration of G. Fauconnier and M. Turner]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1 (8). pp. 97–101.
11. Korbut, A.Yu. (2005) *Tekstosimmetrika kak obshchiy razdel teorii teksta* [Text symmetry as a general branch of the theory of text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Barnaul.
12. Shklovskiy, V.B. (1970) *Tetiva: O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring: On the dissimilarity of the similar]. Moscow: Sov. pisatel'.

Received: 29 July 2017